Лютер М. Проповедь о страданиях и кресте

1530 г.

От переводчика

Священное Писание цитируется по Синодальному переводу, за исключением отдельных случаев, где цитата дается по тексту оригинала (это оговорено в примечаниях). Слова переводчика и редакторов, добавленные для ясности, заключены в квадратные скобки. В русский перевод включены некоторые примечания из американского издания сочинений М. Лютера (Luther’s Works, American Edition. Vol. 51 ©1959 by Muhlenberg Press, далее — AE), помогающие лучше понять некоторые места текста.

Д-р М. Лютер, навечерие Пасхи в Кобурге (1)

Дорогие друзья! Вы знаете, что в это время обычно проповедуют о Страстях Господних, поэтому я не сомневаюсь, что вы наверняка много раз слышали, какие это были страдания и муки, а также для чего Бог Отец все это устроил, а именно — Он тем самым хотел помочь, — помочь не Христу страдать, ибо Христос вовсе не имел нужды в таких страданиях, но в страданиях этих нуждались мы и весь род человеческий. [Вы слышали], что это дар, преподнесенный нам, и подарен он был по одной лишь благодати и милости [Божьей]. Об этом вопросе мы сейчас говорить не будем. Я об этом уже часто говорил. Но ввиду того, что тут и там появилось много заблуждающихся раскольников, которые только порочат Евангелие и винят нас в том, что мы умеем учить и проповедовать лишь о вере, будто мы положили под сукно учение о добрых делах и о святом кресте и страданиях, и еще говорят, что у них подлинный дух, который и побуждает их учить этому, поговорим мы сейчас только о примере Страстей Господних — о том, какой крест мы несем и терпим, и о том, каким образом мы должны его нести и терпеть. Поэтому прежде всего следует обратить внимание, что Христос Своими страданиями не только избавил нас от дьявола, смерти и грехов, но страдания Его служат еще и примером, которому мы должны следовать во время наших страданий. И хотя наши страдания и крест не следует превозносить, будто мы благодаря им станем блаженны или что-то заслужим, тем не менее нам следует страдать, как Христос, чтобы уподобиться Ему. Ибо Бог постановил, чтобы мы не только верили в распятого Христа, но и были распинаемы и страдали с Ним, как указывает Он ясным образом во многих местах Евангелий. «Кто не берет креста своего, — говорит Он, — и следует за Мною, тот не достоин Меня» [Мф. 10:38], а также: «Если хозяина дома назвали веельзевулом, не тем ли более домашних его?» [там же, ст. 25]. Посему каждый должен нести какую-то часть святого креста, по-другому и быть не может. Так говорит и св. Павел: «Восполняю недостаток в плоти моей скорбей Христовых» [Кол. 1:24]. Он как бы говорит: «Еще не весь Его христианский народ полностью подготовлен, мы тоже должны идти вслед за Ним, чтобы не было никакого недостатка в страдании Христовом, но чтобы достигло оно в нас полноты». Вот как следует размышлять всякому христианину, чтобы не оставаться ему без креста.

Причем это должен быть реальный крест и реальные страдания, доставляющие немало огорчения и боли, например, серьезная угроза имуществу и чести, телу и жизни. Такое страдание ощутимо, оно тяжело гнетет, иначе это не страдание, если оно не будет причинять много боли.

К тому же, это должно быть такое страдание, которое мы не сами для себя избрали, наподобие того, как раскольники сами себе выбирают страдание. Страдание должно быть такое, которого — будь это возможно — мы бы охотно избежали, страдание, которое насылает на нас дьявол или мир. И тогда нужно, чтобы мы проявили твердость и смирились с этим, как я уже сказал, а именно, чтобы мы знали, что страдать нам надлежит, чтобы уподобились мы таким образом Христу, и что по-другому не может и не должно быть — каждому придется иметь свой крест и страдание. Если человек это знает, тогда оно становится легче и терпимее, и в утешение себе можно сказать: «Что ж, раз я хочу быть христианином, значит надо носить одежду того цвета, какой носят при здешнем дворе. Любезный Христос при Своем дворе другой одежды не выдает. Надо терпеть».

Раскольники, которые сами себе выбирают крест, на это неспособны — они злятся, сопротивляются, хотя это страдание прекрасно и похвально. Однако они все равно винят нас в

том, что мы якобы неправильно учим о страданиях и только они умеют учить. Мы же учим тому, чтобы никто не возлагал на себя и не выбирал сам себе крест и страдание, но — когда они случаются — терпеливо сносил их и терпел.

Но они ошибаются не только в том, что сами придумывают себе крест, но и в том, что весьма высоко превозносят его и видят в нем большую заслугу, оскорбляя тем самым Бога. Ибо это страдание не истинное, но негодное и самозванное. Мы же говорим, что своим страданием мы не заслуживаем ничего, и не выставляем мы его напоказ(2), как они выставляют. Нам достаточно знать, что Богу угодно, чтобы мы страдали, дабы уподобились мы таким образом Христу, как я уже сказал. Итак, мы видим, что именно те, кто столько хвалится страданиями и крестом и много о них учит, меньше всего знают и о кресте, и о Христе, т. к. приписывают своим страданиям какую-то заслугу. Друг любезный, здесь всё совсем не так, и никого к этому не принуждают и никого не неволят: не хочешь страдать бескорыстно, без заслуги, можешь не страдать и отречься от Христа, скатертью дорога. Но знай одно: если не хочешь страдать, значит не быть тебе придворным(3).Стало быть остается у тебя одно из двух: либо страдать, либо отречься от Христа. Если согласен страдать, тогда сокровище и утешение, обещаемые и даруемые тебе, столь велики, что на самом деле ты должен страдать охотно и с радостью: тебе отдается в дар Сам Христос, да еще со Своими страданиями! Лишь поверь в это, и тогда даже посреди величайших ужасов и напастей ты сможешь смело сказать: «Даже если мне придется долго страдать — что это по сравнению с тем сокровищем, которое мой Бог дает мне в дар, чтобы я жил с Ним вечно?» И тогда страдание станет сладостным и легким, и будет уже не вечным страданием, но малостью кратковременной и скоротечной, как называют его св. Павел и св. Петр, а также Сам Христос в Евангелии. Ибо они смотрят на сей преизобильный дар — Христос со Своим страданием и заслугой всецело стал наш. А страдание Христово столь могущественно и сильно, что наполняет небо и землю и раздирает на куски власть и силу дьявола и ада, смерти и греха. И если ты сопоставишь это сокровище с твоею напастью и страданием, то по сравнению с таким благом тебе покажется лишь мелким ущербом, что потерял ты немного своего имущества, почести, здоровье, жену, ребенка, собственное тело и жизнь. Если же ты не желаешь обратить внимание на такое великое сокровище и ради него пострадать, что ж, ладно, иди своей дорогой: кто не верует, тому ничего и не достанется из этих несказанных благ и даров.

Далее, каждый христианин, смирившись, должен увериться, что это страдание будет ему во благо и что Христос ради Слова Своего поможет нам не только перенести это страдание, но еще и обратит его во благо. Крест сей станет приятнее и терпимее еще и оттого, что изольет Бог в сердце наше столько пряностей и лабы (4), что сможем мы вынести любую напасть и скорбь, как сказал св. Павел в 1 Кор. 10[:13]: «Верен Бог, Который не попустит вам быть искушаемыми сверх сил, но при искушении даст и облегчение, так чтобы вы могли перенести». И правда ведь, когда страдание и напасть становятся столь тяжки, что дальше некуда, они так давят и гнетут человека, что кажется: «Всё, не могу больше. Верно, конец мне». Вот тогда-то и можешь ты подумать о Христе, [вспомнить,] что верный Бог придет и поможет тебе, как от сотворения мира помогал Он Своим людям. Ведь это тот самый Бог, что был всегда. И именно по этой причине страдаем мы, и страдали с самого начала все святые. Весь мир нам свидетель: страдаем мы не за то, что творили какие-нибудь безобразия или злодейства — прелюбодеяния, блуд, убийства и т. д. Но страдаем мы потому, что остаемся верны Божьему Слову, проповедуем его, слушаем, изучаем его и занимаемся им. И поскольку в этом состоит причина нашего страдания, пусть так всегда и продолжается! Мы имеем то же обетование и ту же причину страданий, что всегда были у всех святых. Потому и мы теперь можем смело утешаться тем же самым обетованием и твердо уповать на него во время наших страданий и бед. Это крайне необходимо.

Итак, во время страданий мы должны вести себя следующим образом: свято помнить об обетованиях, что крест наш и напасть обратятся нам во благо, которого мы и не чаяли и о котором никогда б и не подумали. Именно этим и различаются страдания и напасти у христиан и у всех остальных людей. Ведь на долю других людей тоже выпадают беды, крест и несчастья. Какое-то время они живут припеваючи, наслаждаясь своим счастьем и всем, чего душа пожелает. Но случись с ними беда, так что придется пострадать, — и нечем им утешиться, потому что не имеют они надежного обетования и уверенности в Боге, которые есть у христиан. Поэтому не могут они утешиться тем, что Бог поможет им перенести их бедствие, и уж тем более не могут они предположить, что Он обратит эту напасть и страдание им во благо. Поэтому, как видим, они не способны вынести даже малые напасти, а если выпадают на их долю большие, жестокие напасти, они совершенно отчаиваются, налагают на себя руки или терзаются так, что им белый свет не мил. Что в счастье, что в несчастье — ни в том, ни в другом они не знают меры: когда им хорошо, они — самые дерзкие, упрямые и высокомерные люди, каких только можно найти; когда им худо, они убиваются и хнычут хуже всякой бабы. Сейчас они вон какие — бьют копытом,

чванятся, показывают норов. А во время крестьянского бунта такая их тоска взяла, что места себе не находили. И так непременно бывает, если человек не имеет обетований и Божьего Слова. Христиане же находят утешение даже во время самых жестоких страданий и несчастий.

Чтобы лучше можно было это понять, приведу один наглядный пример того, как изображают и рисуют страдания христиан. Вы все хорошо знаете, как всегда рисуют св. Христофора. Впрочем, не следует думать, что когда-либо существовал человек с таким именем, делавший то, что рассказывают о св.Христофоре(5). Однако тот, кто сочинил эту легенду или сказку, был, несомненно, очень разумный человек, пожелавший создать для простого народа образ, который послужил бы примером и точным изображением христианской жизни, как о ней следует рассуждать и как ее следует строить. И ему прекрасно удалось это изобразить, потому что христианин — как великан, у него большие, крепкие ноги и руки, как рисуют у Христофора, т. к. он несет такую ношу, какую и всему миру не под силу понести, [она не под силу] ни одному кесарю, королю или князю. Оттого и каждый христианин называется Христофором, т. е. «христоносцем», потому что принимает веру.

И что же при этом бывает? Когда человек принимает веру, она ему не кажется тяжелой. Она кажется маленьким ребеночком, хорошеньким, приятной наружности, легким, как показалось Христофору. Потому что сперва представляется, что Евангелие — это красивое, симпатичное, приятное, детское учение, чему мы и были свидетелями в самом начале: когда Евангелие пустило корни, все загорелись и тоже захотели стать евангельскими христианами. Такая была охота у людей, такая жажда, такой пыл, жарче печки! Но что же было дальше? А дальше было, как у Христофора, который ощутил, насколько тяжел этот ребенок, только после того как вошел в воду и дошел до самого глубокого места.

Так и Евангелие — когда оно вырвалось наружу и от него пошли волны, римский папа, епископ, князья и вся их взбесившаяся дворня встали против него: вот тогда-то мы впервые и почувствовали, как тяжело нести этого ребенка. Как это похоже на доброго Христофора, который чуть не тонет! Как видите, и сейчас на том берегу, который противостоит Слову, творится столько интриг, уловок, обманов, ухищрений, и всё для того, чтобы утопить нас в воде. Посреди таких угроз и ужасов мы бы перепугались насмерть, не будь у нас иного утешения. Итак, кто водрузил на себя любезного Младенца Христа, тот должен либо перенести Его через воду прямиком на ту сторону, либо утонуть. Среднего пути нет. Утонуть не годится, так что пойдем со Христом через воду, даже если снова покажется, что нам суждено в ней остаться. Ведь мы имеем обетование: у кого есть Христос, кто на Него надеется и верует, тот может смело сказать с Давидом, Пс. 26[:3]: «Если ополчится против меня полк, не убоится сердце мое; если восстанет на меня война, и тогда буду надеяться». Пусть они бьют копытом, чванятся, грозятся и стращают, как хотят, — даже если вода будет очень глубока, мы все равно пойдем через нее со Христом.

Так происходит и в других вопросах: если началось, дальше становится очень уж тяжело, будь то грех, дьявол, смерть или ад, или даже наша собственная совесть. Как же следует поступать? Куда бежать, где укрыться? Ведь нам так и кажется, что дело потерпит крах и погибнет. А те, на другом берегу, уверенны, горделивы, думают, что уже победили. Я тоже прекрасно вижу, что дорогой наш Христофор тонет, и тем не менее он выходит, потому что у него есть древо, за которое он держится. Это древо — обетование о том, что Христос через наше страдание сделает нечто особенное. «В мире [welt], — говорит Он, — будете иметь тесноту и скорбь, а во Мне будете иметь мир [frid]». А также св. Павел: «Мы имеем верного Бога, Который выручает нас из напасти, так чтобы мы могли ее перенести»(6). Эти изречения — посохи, да что там — деревья! — за которые человек держится, а вода пусть себе бушует и шумит, как хочет.

Итак, Христофор дан нам как пример и образ, чтобы укреплялись мы в наших страданиях, разумея, что страх и ужас не так велики, как утешение и обетование, и зная, что в этой жизни не будет нам покоя, если мы несем Христа, но чтобы во время напасти переводили мы взор с нынешнего страдания на утешение и обетование. И тогда на опыте познаем мы истинность слов Христовых: «Во Мне будете иметь мир [frid]». Ведь в том и состоит искусное умение христиан, которому мы все должны научиться, — смотреть на Слово и гнать прочь с глаз наших видения постигающих и отягощающих нас бедствий и страданий. Плоть, однако, к такому умению неспособна, она смотрит не дальше, чем на нынешнее страдание. Такова уж манера дьявола — гнать Слово прочь с наших глаз, чтобы смотрел человек только на сегодняшнюю свою беду. То же самое он проделывает нынче и с нами, очень желая, чтобы мы отреклись от Слова, забыли его и смотрели только на опасность, грозящую нам от папы и от турок. Если преуспеет он в этой игре, то потопит нас в этом бедствии, так что мы ничего уже не будем видеть, кроме всего этого тарарама. Но этого не должно быть, потому что произойдет вот что: если человек, желающий быть христианином, будет руководствоваться ощущениями, он скоро потеряет Христа. Из сердца

и разума гони страдания и крест как можно усерднее, иначе, если будешь долго о них думать, зло станет еще злее. Если случилась у тебя какая-то напасть и ты страдаешь, то говори так: «Не я выбрал и приготовил себе этот крест. Терплю я его, верую во Христа и учу о Нем благодаря любимому моему Слову Божьему. Пусть так всегда и будет во имя Бога. Пусть возьмет верх и доведет борьбу до конца Тот, Кто давно уже предупредил меня о подобных страданиях и обещал мне Свою Божественную, милостивую помощь».

Итак, если вникнешь в Писание, то почувствуешь утешение, и всякое дело твое, с которым ты не мог управиться никакими искусными приемами и способами, пойдет лучше. Купец оставляет свой дом и двор, жену и детей ради денег и товара, рискует своим телом и жизнью ради презренного барыша, не имея никаких гарантий, что вернется домой к жене и детям целым и невредимым, и все-таки отваживается и дерзает пускаться в опасные предприятия безо всяких гарантий. Если уж купец способен на такое ради денег и товара, то стыд и срам, если мы, зовущиеся христианами, не желаем потерпеть креста малого, хотя имеем в руках древо, за которое можем держаться, сопротивляясь волнам, а именно — Слово Божье и надежные, прекрасные обещания, что не потопят нас эти волны!

Так же поступает и конный воин, отправляющийся на войну, где на него нацеливается столько копий, алебард и мушкетов! Он тоже не имеет обетования, на которое он мог бы положиться, кроме собственной удали. И все же он идет туда, хотя вся жизнь его превращается в тяготы и лишения. Так же поступают и паписты, которые не пожалеют никаких усилий и трудов, лишь бы восстановить свою мерзость и идолопоклонство. Сколько строили они разных замыслов с тех пор, как стало распространяться Евангелие, да и сегодня продолжают их строить один за другим, хотя все они обратились вспять и рассыпались в прах! Даже сейчас еще они уверенно полагают, что их дело выгорит и подавят они Слово [Божье], и потому идут на сущие безрассудства.

Итак, если купцы, всадники, паписты и им подобные выказывают такую смелость, отваживаются на такие опасности, старания и труды и терпят их, то стыдно нам, право, воротить нос от страданий и креста, если знаем, что, во-первых, Бог так установил, чтобы мы страдали, и что по-другому не может быть; а во-вторых, знаем также обетование и гарантию, что, хотя мы и не такие хорошие христиане, какими должны быть, хотя мы боязливы и слабы как в жизни, так и в вере, Он все равно защитит Свое Слово лишь потому, что это — Его Слово. Таким образом, у нас есть все основания проявить упорство и сказать: «Пусть соберутся хоть десяток римских пап и турецких императоров, посмотрел бы я, одолеют ли они человека по имени Христос!» Они вполне могут затеять какую-нибудь игру, которая им самим окажется не по плечу, но Слову они не смогут нанести никакого ущерба. И так будет, хотя мы и слабы в вере.

Воистину, это — искусное умение: проходя через страдания и крест, смотреть на Слово и утешительное обетование и верить в них, как сказал Он: «Во Мне будете иметь мир [frid], а в мире [welt] — скорбь». Он как бы говорит: «Опасность и ужас непременно будут у вас перед глазами, если вы примете Слово Мое. Пусть так. Все это встретит вас и противостанет вам из-за Меня. Но будьте уверены — Я не оставлю вас. Я буду рядом с вами и буду помогать вам: каким бы большим ни было злоключение, она станет для тебя малым и легким, если сможешь ты подумать таким образом о Слове Божьем». Посему каждый христианин должен вооружиться прекрасными, утешительными обетованиями, которые оставил нам Христос, любимый Господь наш, чтобы во время напасти мы защищали и ограждали себя ими, когда случится нам страдать ради Его Слова. Если же этого не делать и пренебречь утешительными изречениями, то, когда придет крест, с нами случится то же, что случилось в раю с Евой, имевшей Божий наказ, которым она должна была отмести прочь дьявольские наущения и подстрекательства. И что же она сделала? Пренебрегла Словом и озаботилась мыслями о том, как красиво было это яблоко, от такой малости, мол, ничего не зависит. И не устояла. Если человек забывает о Слове, никак иначе и не может быть. Если же мы храним верность Слову и держимся за него, то непременно увидим, что все обернется для нас благополучно и мы победим. Вот этим двум вещам мы и учим, когда проповедуем о страданиях и кресте. А кто обвиняет нас в том, что мы вовсе не учим о кресте, тот возводит на нас клевету. Не учим мы вот чему — что страдания наши имеют какую-то заслугу перед Богом. Нет уж, вот это прочь, прочь отсюда! Так страдал один лишь Христос и более никто, и Ему одному должна принадлежать вся честь.

В-третьих, посмотрим также, почему Господь Бог наш посылает нам такие страдания. А причина в том, что таким образом хочет Он уподобить нас Своему возлюбленному Сыну — Христу, чтобы стали мы похожи на Него в здешнем житии в страдании, и в тамошней жизни в чести и славе, как сказал Он: «Не так ли надлежало пострадать Христу и войти в славу Свою?» [Лк. 25:26]. Но сделать это с нами Бог может не иначе, как посредством страданий и напастей, которые Он посылает нам через дьявола или злых людей.

Вторая причина состоит в том, что, хотя Бог не желает изнурять нас и мучить, этого желает дьявол, для которого Слово [Божье] невыносимо. Ведь он по природе столь злокознен и ядовит, что просто не может потерпеть никакого добра. Досадно ему, что на дереве растет яблоко. Огорчает его и злит, что у тебя здоровый палец. Была б его воля, он порвал бы все на свете да и побросал бы в кучу. Но больше всего он ненавидит любимое наше Слово [Божье], и вот почему: он может спрятаться под любым творением, и только Слово Божье снимает с него покров, лишая его укрытия и показывая всем, как он черен. Он защищается, упирается, собирает князей и епископов и думает тем самым снова себя прикрыть. Но все без толку — Слово выводит его на свет. Оттого он тоже не успокаивается, и поскольку Евангелие его не терпит, он в свою очередь тоже не желает его терпеть. Один нападает, другой дает отпор. И если бы милосердный Бог наш не защищал нас ангелами Своими и мы могли бы видеть [все] ухищрения, посягательства и обманы дьявола, мы бы умерли от одного лишь вида их, столько картаунов (7) и мушкетов он на нас навел! Но Бог не дает им попасть в цель.

Итак, сходятся два ратоборца, каждый из которых делает все, что для него возможно. Дьявол затевает одну беду за другой, ибо он — дух сильный, злой, беспокойный. И тогда наступает черед Богу нашему вступиться за Свою честь. Ведь Слово, которое мы несем, — слово немощное, нищее. И мы, имеющие его и занимающиеся им, — тоже люди немощные и нищие и носим сокровище сие, как сказал Павел, в глиняных сосудах, которые легко расколоть и разбить. Не жалеет злой дух никаких сил, бьет яростно, не расколет ли сей горшочек. Так досадливо стоит он у него перед носом, что никак не может он его потерпеть и сразу набрасывается с водой и огнем, только бы загасить и потушить искорку малую. Поглядит Бог на все это какое-то время, да и положит нас между молотом и наковальней (8), чтобы на опыте своем мы познали, что малое, немощное, нищее Слово сильнее дьявола и врат адовых. Приступят они к сему замку, дьявол и его приспешники, а как попробуют взять его приступом, так и обнаружат, что, хотя бы прошиб их пот, все равно они не победят, потому что это — скала, как назвал его Христос, которую не одолеть. Так будем же терпеть, что выпадает на долю нашу, дабы испытать, что Бог встанет рядом с нами, защищая и ограждая нас от этого врага и всех его присных.

В-третьих, очень необходимо также, чтобы страдали мы не только затем, чтобы Бог подтвердил Свою честь, мощь и силы наперекор дьяволу, но еще и потому, что, имея это сокровище, в отсутствие бед и страданий мы храпим и успокаиваемся. Как часто видим мы, что многие грешно и постыдно злоупотребляют святым Евангелием — словно Евангелие освободило их настолько, что не надо больше ничего делать, давать и терпеть!

Такое лукавство Бог наш может искоренить не иначе, как крестом. Поэтому Он должен закалять нас, приводить нас в движение, чтобы умножилась и укрепилась вера и чтобы мы таким образом еще глубже восприняли Спасителя. Ибо сколь мало мы можем обойтись без пищи и пития, столь же мало мы можем обойтись без напастей и страданий, посему необходимо нам, чтобы дьявол мучил нас гонениями или каким-нибудь тайным жалом, терзающим нам сердце, как жалуется св. Павел [2 Кор. 12:7]. А раз лучше иметь крест, чем быть без креста, то не следует никому страшиться и бояться его. Ты же имеешь доброе, надежное обетование, которым можешь утешаться. Ведь и Евангелие не может явить себя, кроме как через страдания и крест.

Наконец, страдания христиан более благородны и драгоценны, чем страдания всех остальных людей, ибо хотя Христос и подверг их страданиям, Он освятил страдания всех Своих христиан. Ну не жалкие ли мы глупцы?! Бегали в Рим, Трир и другие места посещать святыни, но отчего же не возлюбили мы также крест и страдание, которое было гораздо ближе Христу и коснулось Его ближе, чем любая одежда на теле? Оно коснулось не просто тела, но сердца. Так, через страдание Христово, страдание всех Его святых стало настоящей святыней, ибо оно окрашено страданием Христа. Посему всякое страдание мы должны принимать не иначе, как святыню, ибо оно воистину святыня.

И поскольку мы знаем, что Богу угодно, чтобы мы страдали, и что в страдании нашем, лучше, чем в любом другом деле, являет себя и становится зримой слава Божья, и поскольку мы такие люди, что без страданий не сможем устоять в Слове [Божьем] и вере, и притом имеем благородное, ценное обетование, что крест наш, посылаемый Богом, — вещь не плохая, но драгоценная и благородная святыня, зачем же тогда уклоняться нам от страданий? Кто не хочет страдать, пускай себе идет и живет барином. Мы проповедуем это только благочестивым людям, желающим быть христианами. Другим это и не под силу исполнить, ведь мы имеем великое утешение и обетование, что Он не даст нам так и остаться в страдании, но выручит, даже если все усомнятся. Ибо, хотя это и больно, все-таки должен ты что-то претерпеть, не может же все время быть тишь да гладь. Да и хорошо, и даже в тысячу раз лучше, страдать ради Христа, обещавшего нам утешение и помощь в страданиях, чем страдать ради дьявола и безо всякого утешения и

помощи отчаиваться и гибнуть.

Вот так мы учим о кресте, и вы должны взять себе за правило четко отличать страдание Христа от всех других страданий: то страдание — небесное, а наше — земное; то страдание делает всё, наше — не делает ничего, кроме того, что благодаря нему мы становимся подобны Христу. Таким образом, страдание Христа — это страдание господина, а наше — страдание раба. А кто учит об этом иначе, тот не знает ни что такое страдание Христово, ни что такое страдание наше. Причина: разум иначе и не может, ему очень хочется похвастаться своими страданиями (как и всеми прочими делами), мол, что-то оно да заслуживает. Посему мы должны как следует научиться отличать одно от другого. Итак, на сей раз довольно сказано о примере Страстей Господних и о наших страданиях. И дай Бог, чтобы мы правильно усвоили это и научились. Аминь.

---

1 Лютер выступил с этой проповедь по приезде в Кобургский замок, где он жил во время Аугсбургского рейхстага, на котором было представлено «Аугсбургское исповедание». Среди собравшихся в замковой часовне были курфюрст Иоганн, граф Альбрехт Мансфельдский, Меланхтон, Юст Йонас, Файт Дитрих, Иоганн Агрикола и около тридцати человек из свиты курфюрста. Проповедь конспектировал Файт Дитрих, который подготовил ее печатный вариант в 1530 г., но сам конспект был включен в собрание Георга Рёрера. Существует также конспект Штольца. (Из предисловия редактора AE).

2 Буквально: …und fassens nicht also ynn schone Monstrantzen — «не кладем их в красивые монстранции». Монстранция (иначе: дароносица) — в Римско-кат. церкви сосуд для торжественного выставления святых даров. (Прим. пер.)

3 Т. е. придворным Царя Христа. (Прим. пер.)

4 Лаба (нем.) — закваска из сычуга теленка для створаживания молока. (Прим. перев.)

5 Согласно преданию, св. Христофор происходил из Ханаана и изначально звался Оферон. После обращения в христианство Оферон решил служить Христу, помогая людям. Будучи наделен недюжинной силой и огромным ростом, он стал переносить путников через опасную реку, в которой тонуло много людей, желавших перебраться на другой берег. Однажды ему пришлось нести ребенка, который был так тяжел, что Оферон едва смог выдержать его вес. После того как они вышли на берег, ребенок открылся Оферону как Христос, несший на Себе тяжесть грехов всего мира. После этого Оферон получил имя Христофор (греч. «христоносец»). (Прим. перев.)

6 Парафразы Ин. 16:33 и 1 Кор. 10:13. (Прим. в AE

7 Разновидность старинной осадной пушки. (Прим. пер.)

8 Буквально: steckt uns zwisschen thuer und angel — «засунет нас между дверью и дверной петлей». (Прим. пер.)

Перевод выполнен по изданию: «Jn der Marter wochen Ein Sermon vom leiden vnd Creutz» //

D. Martin Luthers Werke. Kritische Gesammtausgabe. 32. Band, S. 27-39. Weimar.

Перевод с немецкого А. Зубцова